

Возвращение шабловского мечтателя

Моск. правда - 2003 - 18 июля - с. 4. (Приложение к журналу "Искусство")

В Музее Н. К. Рериха тихо-незаметно прошла и быстро уехала назад, в Кострому, выставка Ефима Честнякова (1874 - 1961), удивительного художника, актера, педагога, философа со странной, чисто российской судьбой.

Его талант, ум, совесть оказались ненужными его родной стране - ни при царизме, ни при власти, называвшей себя рабоче-крестьянской. Такова, впрочем, во все времена участь людей, которых зовут Дон Кихотами, бескорыстных мечтателей о счастье всего человечества. Он и был таким, крестьянский сын из деревеньки Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии.

С детства Ефим знал две страсти - к знаниям и к рисованию. Он был счастливейшим в мире человеком, когда родители привозили ему из города пятикопеечный красный карандаш. Окончив уездное училище и семинарию, сам стал преподавать в Костроме и продолжал рисовать. Каким-то чудом его работы попали в Петербург к самому Репину. Тот отметил «несомненные способности» Ефима, разрешил ему, если приедет в столицу, посещать рисовальные часы в своей мастерской. Уже в Петербурге посоветовал поучиться год в Казанской художественной школе, а по возвращении - у прекрасного педагога Д. Н. Кардовского. 1899 - 1905 годы были самыми плодотворными в жизни Честнякова - он жадно впитывал знания и идеи, будоражившие общество, в том числе социалистические и толстовские, знакомился с сокровищами мировой культуры - искусства, литературы, философии, осваивал азы изобразительного искусства - композицию, перспективу, анатомию, технику и технологию живописи. После Кровавого воскресенья - 9 января 1905 года учебные заведения Петербурга, в том числе Академия художеств, были закрыты, и Честняков уехал домой. В 1913 году он ненадолго вернулся - в холодном, чопорном, бездушном городе его мучили нужда, голод, одиночество. И он уехал в родное Шаблово - навсегда.

Дома Ефим продолжал самообразование, выписывал журналы и газеты (явление в Шаблово невиданное). Им овладела дерзкая мысль о некоей миссии, которую ему суждено

исполнить: внести в жизнь задвленной трудом и нуждой деревни «могучую универсальную культуру», где соединились бы фольклор и народные обычаи с культурой города - искусством, наукой, литературой. Пусть хотя бы только в Шаблове. Молодой, сильный, неприхотливый в быту, он верил, что сумеет это сделать. Он разрабатывает многосторонний план действий, где главную роль играет, так сказать, наглядная агитация. В свободные от хлебопашества часы пишет картины, лепит игрушки (глинянки), сочиняет сказки, колядки, возится с детворой. На двухколесной тележке возит по деревням свой «театр» и разыгрывает представления, где является актером, режиссером, музыкантом. Мечтает об облегчении крестьянского труда с помощью науки, об исправлении нравов с помощью искусства. Революцию встречает с радостью, веря, что сбываются его мечты. Он преподает рисование в студии, организует в Кологриве Дом искусств, а в Шаблове Детский дом, где ребяташки смотрят иллюстрированные журналы, рисуют, лепят, ставят пьески и колядки. Устраивает две выставки своих

работ в Кологриве - первые и последние в его жизни.

А жизнь по-прежнему тяжела: бесконечная работа в поле по хозяйству - отец умер, на его плечах большая мать, сестры, двое сирот. Иссякает запас красок, купить их просто негде, о живописи приходится забыть. Остаются карандаши и чернила, ими он пишет окружающих - десятки, сотни портретов нескольких поколений костромского крестьянства! Самое страшное - полное непонимание со стороны односельчан, неплохих в сущности людей, ради которых он живет и работает. Его творчество, непонятные речи, пред-

ставления считают баловством, а его самого - «чудиком», наивным и несуразным. «Век шестует путем своим железным» - 1937 год (может быть, репутация дурачка спасла его тогда), война, послевоенная разруха, колхозное рабство. А он в своем шабловском уединении пишет воззвания к человечеству с призывами прекратить войны, грезит об избе Вселенской, символе общечеловеческого братства.

Он не устроил личной жизни, не работает на заказ, принципиально не продает свои работы, весь его «доход» - пять огородных грядок, с которых и кормится. Сердобольные соседки приносят под дверь чугушки с похлебкой. Местные бабы считают его вещуном, просят погадать, он сердится. Нет больше Ефима Васильевича, есть Фимка-юродивый, седой старик с котомкой, босой, взлохмаченный, которого милиция гоняет с улиц Кологрива. А он в своей убогой «конуре», оказывается, все еще мечтает о красоте, которая спасет мир, о музее своих работ в Шаблово.

Однажды его находят мертвым. Вездесущие ребяташки, а за ними взрослые резво растаскивают картин-

ки «на память о Фимке», дом по бревнышку, по кирпичику разбирают на бытовые нужды. На «чудотворную» могилку его ходят молиться суеверные сельчанки, а над художником Честняковым смыкаются черные воды забвения.

И тут на помощь вновь приходит... Репин! Летом 1968 года экспедиция Костромского музея изобразительных искусств, «прочесывавшая» область, узнает от случайного попутчика, что «неподалеку жил художник Ефим, который учился у Репина». Музейный автобус сворачивает на Шаблово. Появляются картинки и глинянки, хранимые в сундуках и чуланах. Еще несколько экспедиций, героические усилия реставраторов - и через 17 лет после смерти наконец приходят признание, восторги и охи, выставки в Москве, Ленинграде, Ярославле, Париже. Фантазии «шабловского отшельника» оказались близкими и нужными людям идущего к концу XX века.

Полотна Е. Честнякова - особый мир, реальный и фантастический одновременно, где на равных существуют люди (явно жители Шаблово) и сказочные существа - старички-лесовички, домоседушки (домовые), кикиморы, Тетеревиный князь, сирины и алконосты, медведишки косопалые. Темы - народные гуляния, посиделки, свадьбы; в отличие от передвижников крестьянский быт украшен, благолепен. Картины полны людей. Они сидят за обильными трапезами, много детей и улыбок. Это сказочная страна крестьянского счастья (Есенин называл ее Инонией), где изобилие добыто свободным общим трудом и сама природа помогает людям. Спокойно радостны «Наш фестиваль», «Свадьба» и, конечно, «Вход в Город Всеобщего Благоденствия» (название взято из бумаг художника). Поток празднично одетых людей - детей, девушек, стариков вливается в арку, ведущую в Город счастья, где ждут гостей птицы-девы, дома похожи на скирды сена, а столы полны пирогов, хлебов, туесов с ягодами и грибами...

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимке: «Тетеревиный князь».

Арт - 215
Древо

Честняков Ефим

18.07.03.